PZ
3318

Оср. повт.

Дл 02 Б-3/68

Рег. 52/70

493
III
7 41
914

1853
1883
M.O.B.

Король Прай въ тоскливой задумчивости сидитъ у окна...

БОЛЬШОЙ КОРОЛЬ

ПОВѢСТЬ-СКАЗКА
ДЛЯ ДѢТЕЙ

□□□

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисунками И. Гурьева

□□□

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

ПОГАШЕНО
276.224
PZ 3318

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1914

LATVIJAS VALSTS BIBLIOTEKA
ПОГАШЕНО
Лн-22966
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград
О 1970 акт РК 587/10

I.

Звонко и весело перекликаются большіе колокола въ королевской столицѣ. Весь городъ пышно разукрасился пестрыми флагами, разноцвѣтными тканями, роскошными гирляндами и вѣнками цвѣтовъ. Торжественно гремятъ на площадяхъ и перекресткахъ улицъ оркестры музыки. А со стѣнъ городской цитадели то и дѣло стрѣляютъ пушки, придавая еще больше торжественности празднику.

Нарядный, по-праздничному разодѣтый, народъ густыми толпами запрудилъ городъ. Пестрыя одежды, цвѣты на шляпахъ и въ петлицахъ, веселыя, возбужденныя лица— все это, наводняя городскія улицы, пере-

крестки, площади и закоулки, устремляется къ королевскому дворцу.

На дворцовой площади толпа все увеличивается, все растетъ съ каждой минутой, съ каждой секундой. Мужчины, женщины, дѣти— всѣ машутъ шляпами, шапками, платками и, неистовствуя отъ восторга, кричатъ:

— Да здравствуетъ маленькій королевичъ! Да здравствуетъ королевичъ, ниспосланный намъ Богомъ! Да здравствуетъ первенецъ и наслѣдникъ нашего обожаемаго короля, новорожденный принцъ Мріамъ!

Шляпы и шапки летятъ въ воздухъ... Сыплется цѣлый дождь цвѣтовъ на королевское крыльцо... Народъ ликуетъ и бѣснуется отъ счастья...

— Да здравствуетъ новорожденный принцъ! Да здравствуетъ маленькій принцъ Мріамъ!— стоятъ неумолчно въ воздухѣ торжествующіе, радостные клики.

И снова сыплются и ковромъ устилаютъ площадь душистые пестрые цвѣты, принесенные сюда народомъ въ честь новорожденнаго принца...

II.

Въ это самое время печаль и уныніе царятъ въ обширныхъ и роскошныхъ залахъ королевскаго дворца.

Молодой, красивый король Прай въ глубокой тоскливой задумчивости сидитъ у окна въ креслѣ, уронивъ на грудь бѣлокурую голову. Вся площадь, затопленная народомъ, видна ему какъ на ладони. Въ ушахъ его стоитъ звонъ отъ ликующихъ кликовъ толпы. Но короля не радуютъ эти клики. Лучше бы не слышать ихъ вовсе. Лучше бы совсѣмъ не видѣть ликующей и радостной толпы.

— Какое ужасное несчастье! — говоритъ тихо про себя король;—какой злой волшебникъ такъ гадко подшутилъ надъ королевскою семьею!

Король Прай медленно и уныло поднимается со своего мѣста и идетъ на половину королевы.

Въ ея просторной опочивальнѣ тоже царятъ гнетущее уныніе и тишина.

Двѣнадцать придворныхъ фрейлинъ встрѣчаютъ короля низкими поклонами.

— Какъ чувствуетъ себя ея величество королева?—обращается къ нимъ съ вопросомъ король.

— Ея величество горько плачутъ!—отвѣчаютъ всѣ двѣнадцать фрейлинъ.

Король Прай подходитъ къ ложу супруги.

— Прекрасная Зея, утрите ваши слезы... Онѣ не помогутъ нашему горю. Надо смириться намъ обоимъ и стойко и твердо принять ударъ, ниспосланный намъ судьбой.

— Мой бѣдный король! Но что же мы скажемъ нашему народу, когда онъ пожелаетъ увидѣть наслѣдника престола?—спросила печально королева, и ея и безъ того заплаканные глаза наполнились новыми слезами.

— О, мы ничего не скроемъ отъ нашихъ подданныхъ... Пусть сами увидятъ принца Мріама и пусть будетъ такъ, какъ рѣшитъ нашъ добрый народъ... А теперь я пойду въ дѣтскую, чтобы показать собравшимся сановникамъ и министрамъ нашего сына...

И, наклонившись къ королевѣ, король поцѣловалъ ея руку и вышелъ изъ опочивальни

королевы съ тѣмъ же печальнымъ видомъ, съ какимъ вошелъ сюда.

А двѣнадцать фрейлинъ сочувственно глядѣли ему вслѣдъ и тихо шептали:

— Бѣдный король! Бѣдная королева! Какое ужасное несчастье свалилось на королевскую семью. Бѣдный король! Бѣдная королева!

III.

Въ просторной свѣтлой комнатѣ, обращенной окнами къ морю, тѣснились вельможи, министры, государственные дѣятели, сенаторы, полководцы, всѣ сановники, занимавшіе важнѣйшія должности въ королевствѣ, плотной толпой окружая что-то находившееся посреди комнаты.

Тихимъ шопотомъ они переговаривались между собою:

— Какое несчастье!

— Ужасное несчастье!

— Кто-то околдовалъ семью короля!

— Кто-то нанесъ непоправимое зло королевской семьѣ!

— Но что же будетъ дальше?

— Ничего хорошаго, во всякомъ случаѣ, ожидать нельзя.

— Поживемъ—увидимъ!

— Тише! Тише! Его величество король самъ изволитъ жаловать сюда.

Разговоры и перешептыванія прекратились сразу. Всѣ глаза и головы обратились къ дверямъ. Два маленькіе пажа, находившіеся у порога, широко распахнули настежь обѣ половинки двери, и король Прай вошелъ въ горницу.

Онъ былъ такъ же печаленъ и унылъ, какъ и у себя въ кабинетѣ, какъ и на половинѣ королевы. Глубокая складка залегла между бровями на лбу короля. Печально смотрѣли его свѣтлые добрые глаза.

— Господа,—обратился онъ къ окружавшимъ его сановникамъ,—небу было угодно послать намъ тяжелое испытаніе, нанести неизгладимый ударъ. Но я и ея величество королева Зея думаемъ и надѣемся, что наши добрые подданные помогутъ намъ перенести несчастье, помогутъ успокоить и утѣшить народъ, который, ничего не зная о нашемъ горѣ, ликуетъ тамъ, за стѣнами дворца...

Сейчасъ вы увидите то, что съ нынѣшняго дня гнететъ и печалитъ мою душу, что разрываетъ тоскою сердце нашей прекрасной королевы и не даетъ намъ забыться ни на одинъ часъ, ни на одинъ мигъ!.. Извольте взглянуть, господа, сами и убѣдиться въ несчастьѣ, постигшемъ нашу королевскую семью.

Толпа сановниковъ разступилась въ глубокомъ молчаніи передъ королемъ Праемъ, давая ему дорогу къ тому странному предмету, который находился посреди комнаты.

Это была колыбель, похожая на лодку, установленную на колесахъ.

Надъ лодкой было подобіе балдахина, скрывавшаго со всѣхъ сторонъ то, что находилось въ самой лодкѣ.

Король быстрымъ движеніемъ руки поднялъ край балдахина. Толпа сановниковъ рванулась впередъ, заглянула внутрь странной лодки и въ тотъ же мигъ съ легкимъ крикомъ изумленія и испуга отпрянула назадъ...

IV.

То, что они увидѣли въ лодкѣ, превзошло всѣ ихъ ожиданія.

Среди бѣлоснѣжныхъ тюфячковъ и подушекъ, утопая въ легкомъ, какъ паутина, батистовомъ тонкомъ бѣльѣ, среди облака кружевъ и волановъ, завернутый въ атласное пурпуровое одѣяло, лежалъ новорожденный ребенокъ-великанъ.

Ростомъ онъ былъ съ двѣнадцатилѣтняго мальчика. И хотя личико его было еще младенчески безсмысленно, а глаза смотрѣли, ничего не выражая, на людей, окружавшихъ его колыбель-лодку, тѣмъ не менѣе, принцъ Мріамъ благодаря величинѣ своего тѣла, размѣрамъ рукъ, ногъ и головы казался взрослымъ.

— Вы видите, вы убѣдились теперь въ нашемъ несчастьѣ,—произнесъ убитымъ голосомъ король, опуская снова балдахинъ надъ сыномъ,—вы видите, что даже люльки не нашлось для такого огромнаго ребенка; пришлось положить его въ лодку, пока столяры

Король поднялъ край балдахина...

изготовятъ подходящую колыбель для него. Уже теперь онъ огромнаго для своего возра-

ста роста... Что будетъ потомъ, не знаю, не могу даже и представить себѣ...

Король закрылъ при этихъ словахъ глаза и отвернулся. Сановники и вельможи хранили глубокое молчаніе изъ уваженія къ несчастью, постигшему королевскую семью.

А королевичъ-великанъ, не понимавшій, почему его отецъ такъ груститъ, лежалъ себѣ да полеживалъ въ своей удивительной лодкѣ-люлькѣ.

Вдругъ онъ чихнулъ. Балдахинъ отъ этого чиханья заколебался какъ подъ сильнымъ порывомъ вѣтра. Сановники и вельможи подпрыгнули отъ неожиданности на своихъ мѣстахъ, потомъ въ страхѣ переглянулись между собою.

— Будьте здоровы, ваше королевское высочество!—произнесъ кто-то заплетавшимся отъ испуга языкомъ.

— Растите большой на здор.... — началъ было второй голосъ и тотчасъ же осѣкся подъ дружнымъ шиканьемъ остальныхъ.

— Шш! Шш! Шшш! Не совсѣмъ умѣстное пожеланіе. Новорожденному королевичу менѣе всего приходится желать роста!

Всѣ смутились. Король сталъ еще печальнѣе, еще мрачнѣе.

А принцъ Мріамъ распѣвалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ своей лодкѣ-люлькѣ на никому непонятномъ младенческомъ языкѣ: „Гу-гу... А-гу-гу... Гу! Гу! Агу-гу-гу!“ такимъ басомъ, которому могъ бы позавидовать лучшій пѣвецъ-артистъ королевскаго театра.

Бѣдный маленькій великанъ! Если бы онъ могъ знать, какое горе доставилъ онъ окружающимъ своимъ появленіемъ на свѣтъ!

Но, къ счастью, малютка, разумѣется, этого не зналъ.

V.

На слѣдующее утро всѣмъ горожанамъ и горожанкамъ, жившимъ въ королевской столицѣ и ея окрестностяхъ, было приказано собраться къ дворцовому крыльцу.

Отсюда главный министръ объявилъ народу о томъ, что у короля и королевы родился сынъ — принцъ-наслѣдникъ, но что этотъ принцъ—великанъ и въ первый же день послѣ своего появленія въ свѣтъ сталъ расти не-

обыкновенно и растетъ-растетъ съ каждымъ часомъ, такъ что теперь, на второй день со дня рожденія, онъ ростомъ уже съ двѣнадцатилѣтняго мальчика. Словомъ, родился принцъ-великанъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ...

Король и королева, спрятавшись за занавѣскою у окна, съ замираніемъ сердца прислушивались къ тому, что говорилъ народъ на площади.

А народъ говорилъ вотъ что:

— Что-жъ, что принцъ-младенецъ родился великаномъ! Если у него будетъ такой же большой умъ и большое сердце, какъ и ростъ, такъ лучшаго сына-наслѣдника и желать не надо нашему королю... А вотъ не худо подумать было бы, какой нянѣ поручить ходить за принцемъ. Большую надо няню; маленькой не справиться съ нимъ.

И тутъ же было рѣшено кликнуть кличъ по всему королевству: пусть самая большая сильная женщина въ странѣ явится во дворецъ растить и воспитывать новорожденнаго принца.

Но такой женщины не находилось нигдѣ.

Всѣ, кто ни приходилъ съ предложеніемъ своихъ услугъ въ королевскія палаты, всѣ разбѣгались въ страхѣ при видѣ младенца-великана. Наконецъ, старый истопникъ, прослужившій всю свою жизнь въ королевскомъ дворцѣ, пришелъ къ королю и сказалъ:

— Есть у меня знакомый матросъ, кочегаръ на кораблѣ „Черная утка“. Жена этого кочегара, Матрола, такого огромнаго роста, что въ эту дверь не войдетъ, ваше величество. Только нрава она больно крутого и силы необычайной. Прикажите снарядить лодку и выѣхать въ море за нею. Матрола не покидаетъ своего мужа въ плаваніи. Она стряпаетъ обѣды экипажу „Черной Утки“, а въ свободное время дежуритъ за мужа и вообще частенько несетъ его морскую службу, когда онъ перехватитъ малую толику пунша или рома и опьянѣетъ. Сейчасъ какъ разъ „Черная Утка“ стоитъ недалеко отъ берега на якорѣ. Отправьте, ваше величество гонцовъ за Матролой. Нужно, чтобы доставили ее поскорѣе сюда.

— Пусть привезутъ Матролу!—приказалъ король.

Къ вечеру того же дня желаніе короля было исполнено.

VI.

Когда Матрола, огромнаго роста женщина, одѣтая въ короткую грубую юбку, мужскую обувь и морскую куртку и фуражку, шла по улицѣ, между двумя королевскими гонцами, размахивая громадными ручищами, толпа народа бѣжала впереди и позади нея и восторженно кричала:

— Да здравствуетъ нянюшка нашего принца! Да здравствуетъ добрая женщина и да поможетъ ей Богъ!

А Матрола въ это время вытирала глаза и ревѣла:

— Ой, горюшко, ой, несчастьюшко, ой печаль моя! Взяли меня съ моря моего любимаго, съ судна моего родимаго, отъ мужа моего бѣднаго и ведутъ, невѣдомо куда... Денегъ мнѣ не надо, подарковъ не хочу я, хочу моря синяго, хочу на палубу корабельную, хочу въ каюту мою—въ гнѣздышко насиженное. Ой, добрые люди, отпустите меня!

Матрола вытирала глаза и ревѣла...

Матролу все-таки не отпустили обратно на палубу „Черной Утки.“ Вмѣсто нея туда послали богатые подарки ея мужу и приглашеніе—

поступить матросомъ на королевскую яхту за крупное вознагражденіе.

Но матросъ заявилъ, что онъ слишкомъ привязался къ „Черной Уткѣ“, чтобы оставить службу на ней. Правда, жену свою Матролу онъ любилъ еще больше, нежели „Черную Утку“, но вѣдь Матрола будетъ пріѣзжать къ нему каждый разъ, когда „Черная Утка“ броситъ якорь въ гавани королевской столицы. Такимъ образомъ они будутъ видаться, по крайней мѣрѣ, каждые два мѣсяца.

Между тѣмъ, сама Матрола, придя во дворецъ, сразу наполнила его своимъ басомъ, стукомъ огромныхъ сапожищъ, шумомъ и суетою.

Огромная женщина, привыкшая къ свободѣ на морскомъ кораблѣ, почувствовала себя здѣсь далеко неважно. Дворецъ и его обстановка очень стѣснили Матролу съ перваго же ея появленія здѣсь.

Не успѣла она дойти еще до дѣтской, какъ уже набила себѣ три шишки на лбу о косяки дверей, передъ которыми позабыла нагнуться.

Запнувшись за уголъ ковра, она споткнулась и, падая, разбила двѣ китайскія вазы и перламутровый столикъ, за который вздумала было удержаться.

Она топала ногами и бранилась безо всякаго стѣсненія въ королевскомъ дворцѣ такъ, какъ будто это былъ вовсе не королевскій дворецъ, а грязная палуба „Черной Утки". Молоденькія фрейлины съ ужасомъ разбѣгались отъ нея въ разныя стороны, а королевская свита только плечами пожимала при видѣ Матролы.

— Какъ, неужели эта грубая женщина будетъ приставлена воспитывать принца?— возмущались и негодовали всѣ въ королевскомъ дворцѣ.

Матролу привели къ королевѣ Зеѣ. Къ ужасу статсъ-дамъ и фрейлинъ, Матрола, не считаясь съ тѣмъ, что передъ ней королева, похлопала ее по плечу, потомъ ласково потрепала ее по щекѣ несовсѣмъ чистой, загрубѣлой въ работѣ, рукою.

— Не горюй и не реви, матушка,—сказала она своимъ чудовищно-грубымъ и громкимъ басомъ, обращаясь къ королевѣ Зеѣ.—Мнѣ

жалко тебя. Вишь ты, худая стала какая... Я постараюсь тебя утѣшить. Ребятъ я люблю, а твоего королевича и подавно любить стану... Ты не бойся. Такимъ здоровякомъ его, голубчика, выращу, что любо-дорого смотрѣть на него будетъ... Не хотѣлось мнѣ отъ моря отрываться, да, что дѣлать—пришлось,—прибавила она, помолчавъ.—Но все равно. Ужъ удружу я тебѣ, королева. Будь спокойна за сыночка—выращу я тебѣ его молодцомъ.

И тотчасъ же повелительнымъ тономъ скомандовала, обращаясь къ окружавшимъ ее фрейлинамъ, съ любопытствомъ ее, какъ диковиннаго звѣря, разглядывавшимъ и шушукавшимся на ея счетъ:

— Эй вы, мамзели, нечего тамъ зря языки чесать. Веди меня которая нибудь въ дѣтскую къ королевичу.

— О, ваше королевское величество! Она невозможна!—закатывая глаза къ небу, въ искреннемъ негодованіи зашептала королевина свита.

— Ладно! Потомъ поохаете, а сейчасъ ведите къ королевичу!—крикнула Матрола такимъ звонкимъ голосомъ, что сразу

зазвенѣло въ ушахъ у всѣхъ присутствующихъ.—Живо, поворачивайтесь и маршъ впередъ!

И она въ дополненіе своихъ словъ захватила плечи одной изъ фрейлинъ своими огромными ручищами и, повернувъ ее къ дверямъ, слегка подтолкнула впередъ.

Отъ этого толчка фрейлина, какъ мячикъ, подскочила кверху и вылетѣла изъ опочивальни королевы въ пріемный залъ.

— Стой, дѣвушка, куда? Не такъ скоро!— кричала ей вслѣдъ Матрола.—Ишь тебя понесло, нѣжная какая! Остановись, говорю, мнѣ не поспѣть за тобой.

И Матрола, стуча своими огромными сапожищами, устремилась слѣдомъ за злополучной фрейлиной.

VII.

Море скачетъ, море пляшетъ,
Буря пѣсенки поетъ...
Бѣлымъ флагомъ вѣтеръ машетъ,
Ночь гуляя напролетъ.
Море съ бурей—братъ съ сестрою...
Волны пѣнятся, кипятъ...

Вонъ, веселою гурьбою
Вновь возстали и летятъ!
Снаряжай-ка парусъ живо,
Поплывемъ туда скорѣй,
Гдѣ грохочетъ валъ спесиво
Подъ кормою кораблей,
Скоро, скоро на просторѣ
Штормъ поднимется вдали...
Завопитъ, заплачетъ море,
Закачаетъ корабли...
Мы помчимся въ лодкѣ смѣло...
Парусъ птицей насъ несетъ...
Будемъ править имъ умѣло,
Мчась, какъ молнія, впередъ...

Кто это гудитъ, вопитъ, рокочетъ на весь дворецъ, на всю площадь? Чей это могучій мощный голосъ, заглушая всѣ остальные звуки, прорывается сквозь открытыя окна дворца, вылетаетъ на площадь и несется по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ столицы?

Ночная стража, державшая караулъ въ дворцовыхъ сѣняхъ, просыпается при первыхъ же звукахъ этого рокочущаго густого баса и хватается за оружіе.

— Тревога! Непріятель! Вставайте солдаты! Враги незамѣтно подобрались къ столицѣ и

съ торжествующимъ пѣніемъ готовы броситься на насъ! — говоритъ начальникъ охраны и спѣшно выстраиваетъ своихъ солдатъ.

Въ то же время во внутреннихъ покояхъ дворца—цѣлое смятеніе. Король, королева и свита встревожены. Весь дворецъ наполненъ гуломъ. По всѣмъ палатамъ разносятся громовые раскаты басистаго пѣнія. Они-то и подняли на ноги весь дворецъ, разбудили охрану, взволновали столицу.

А между тѣмъ, это только поетъ, качая колыбель-лодку принца великана, его великанша няня.

Матрола гудитъ на весь городъ, не давая никому покоя, будя и тревожа короля съ королевой и обитателей столицы. А удержать, остановить ее нельзя. Иначе она обидится и уйдетъ. А кто въ такомъ случаѣ будетъ воспитывать королевскаго сына? Болѣе подходящей воспитательницы для него вѣдь никакъ не найти.

Но самому королевичу Мріаму, повидимому, приходится по сердцу это пѣніе. Онъ пріятно гулькаетъ, пускаетъ ртомъ пузыри и под-

прыгиваетъ отъ удовольствія въ своей колыбели подъ балдахиномъ. Отъ этихъ движеній, балдахинъ колеблется и трещитъ по всѣмъ швамъ. А отъ брыканія ногъ сильно накреняется на бокъ лодка-люлька, и младенецъ-великанъ вываливается изъ нея на колѣни своей няни.

— У, ты, маленькій, у, ты, крохотный!—лепечетъ та, умиленная безпомощностью королевича.—Мушка ты моя! рыбка ты моя! козявочка!—награждаетъ ласками Матрола своего необыкновеннаго воспитанника.

А между тѣмъ „этой крошкѣ", „мушкѣ", и „козявочкѣ" уже стала мала его лодка-колыбель. Принцъ Мріамъ растетъ въ полномъ смыслѣ слова не по днямъ, а по часамъ, къ горькому отчаянію его родителей.

Черезъ недѣлю приходится заказывать новую колыбель, побольше. А черезъ мѣсяцъ и эта новая колыбель уже мала ему, и снова сооружаютъ люльку больше.

То же самое происходитъ и съ бѣльемъ королевича. Въ королевской бѣлошвейной безостановочно готовятъ дѣтскіе чепчики,

Поетъ, укачивая колыбель принца, его няня.

сорочки, платья и фуфайки, такъ какъ королевичъ вырастаетъ изъ прежнихъ такъ

скоро, что ему едва-едва успѣваютъ шить новые. Сошьютъ только что, надѣнутъ, а онъ уже выросъ настолько, что надо заготовлять новый запасъ.

Такъ проходитъ годъ, другой, третій. Королевичъ уже переросъ мать и отца, всѣхъ сановниковъ, всѣхъ самыхъ рослыхъ солдатъ королевской гвардіи и только одной своей нянѣ Матролѣ онъ пока еще доходитъ только до плеча...

А время все идетъ... Дни убѣгаютъ назадъ, на смѣну имъ спѣшатъ другіе. Королевичъ растетъ и становится мальчикомъ-подросткомъ. Ему уже минуло 12 лѣтъ.

VIII.

На берегу моря копошатся двое—Матрола и ея воспитанникъ. Они снастятъ лодку, чтобы пуститься въ путь. Королевичъ Мріамъ, послѣ родителей и няни Матролы, любить море больше всего на свѣтѣ. Король Прай приказалъ выстроить на берегу моря для сына морской замокъ, съ высокими сводами, гдѣ онъ могъ бы свободно двигаться

и ходить. Въ королевскихъ дворцовыхъ палатахъ ему было слишкомъ низко, слишкомъ тѣсно и душно.

Утромъ Мріамъ занимается съ учителями книжными науками, учится говорить на разныхъ иноземныхъ языкахъ. Послѣ уроковъ король съ королевой присылаютъ за нимъ свиту, и принцъ ѣдетъ обѣдать съ няней Матролой во дворецъ. Остатокъ дня до поздняго вечера королевичъ проводитъ или на берегу моря или въ своемъ замкѣ. Вечеромъ онъ снова ѣдетъ къ родителямъ, ужинаетъ съ ними и затѣмъ остается въ дѣтской, во дворцѣ, до слѣдующаго утра.

И такъ проходитъ время каждый день съ утра до ночи.

У Мріама нѣтъ сверстниковъ и товарищей игръ. Да и трудно съ нимъ играть. Онъ такой большой, и его боятся: у него такія огромныя руки и такіе сильные пальцы.

Не мудрено поэтому, что великанъ-королевичъ такъ полюбилъ море, которое замѣняло ему и товарищей, и братьевъ, и сестеръ. Няня Матрола привила ему эту любовь. Она цѣлыми часами разсказывала ему о

морскихъ буряхъ и штормахъ, о вѣтрахъ и приливахъ, о всевозможныхъ морскихъ случайностяхъ, постигающихъ моряковъ, о кораблекрушеніяхъ, о диковинныхъ рыбахъ, о таинственномъ днѣ морскомъ, о чудесныхъ островахъ и чужихъ странахъ. Съ жаднымъ любопытствомъ прислушивался къ этимъ разсказамъ королевичъ Мріамъ.

— Когда я вырасту, то сдѣлаюсь тоже моряком!—говорилъ онъ Матролѣ.

— Нѣтъ, дитятко, ты сдѣлаешься королемъ!—протестовала Матрола.

— Но развѣ нашъ народъ захочетъ имѣть такого большого короля, короля-великана?—выражалъ сомнѣніе мальчикъ.

— У большого человѣка и сердце большое... А пріятно имѣть дѣло съ сердечнымъ милосерднымъ королемъ,—говорила въ такихъ случаяхъ няня.

— Но я все-таки предпочелъ бы плавать въ морѣ, чѣмъ быть королемъ. Это гораздо интереснѣе, чѣмъ управлять королевствомъ!—восклицалъ принцъ Мріамъ.

— Это правда, дитятко!—соглашалась няня. И они уплывали на прогулку далеко, далеко въ море...

Матрола учила мальчика, какъ обращаться съ парусомъ, веслами, рулемъ, показывала ему, какъ надо править лодкой въ бурю, учила плавать и нырять.

Такъ проходили годы.

Королевичу Мріаму исполнилось 16 лѣтъ. Это былъ огромнаго роста, крѣпко сложенный юноша-великанъ, широкоплечій, прекрасный собою, съ ясными, добрыми голубыми глазами и смѣлымъ мужественнымъ выраженіемъ лица. Привѣтливая улыбка не сходила съ его устъ, а темныя брови никогда не умѣли хмуриться.

Всѣ подданные его отца привыкли къ великану королевичу и не боялись его, благодаря этимъ добрымъ глазамъ и дѣтской улыбкѣ. Всѣ привыкали къ мысли имѣть великана своимъ будущимъ королемъ.

Теперь Матрола уже не была няней королевича. Онъ выросъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ. Обливаясь горючими слезами, простилась она со своимъ любимцемъ и въ одинъ прекрасный день уплыла на „Черную Утку“.

IX.

— Ваше королевское высочество, пожалуйте во дворецъ. У насъ случилось несчастье!— услышалъ однажды королевичъ, подплывая на своей яхтѣ къ морскому берегу. Онъ только что вернулся изъ дальней морской прогулки.

Море было необыкновенно красиво въ этотъ день. Легкій вѣтеръ рябилъ его синюю поверхность. Королевичъ Мріамъ проводилъ въ дальнее плаваніе „Черную Утку", на которой уплыла и его старая няня Матрола, и теперь грустный вслѣдствіе разлуки съ нею возвращался домой. На берегу его поджидали нѣсколько пажей.

— Съ его величествомъ королемъ вашимъ отцомъ случилось несчастье, — произнесъ блѣдный и взволнованный первый пажъ.

— Его величество король упалъ съ лошади и разбился на смерть!—прошепталъ второй.

— Ея величество королева не перенесла кончины короля супруга и послѣдовала за нимъ,—печально проговорилъ третій.

На берегу его поджидало нѣсколько пажей.

— Вы осиротѣли, ваше высочество, лишившись сразу отца и матери!—съ глубокой горестью произнесъ четвертый пажъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

Королевичъ поднялъ поблѣднѣвшее лицо. Глубокое отчаяніе отразилось въ его глазахъ. Онъ съ усиліемъ сдержалъ слезы и приказалъ свитѣ отвести его къ покойнымъ родителямъ.

Во дворцѣ его встрѣтили стенаньями и плачемъ.

Короля Прая и королеву Зею горячо любилъ народъ. Но не менѣе чѣмъ родителей Мріама, любили подданные и самого королевича.

Лишь только по столицѣ разнеслась печальная вѣсть, какъ толпы горожанъ повалили къ королевскому дворцу, крича, шумя и волнуясь.

— Королевичъ Мріамъ да будетъ нашимъ королемъ! Да здравствуетъ Мріамъ! Да здравствуетъ Большой Король!

Мріамъ вышелъ на балконъ и низко поклонился народу.

— Дорогіе друзья и подданные моего отца!— заговорилъ онъ убитымъ горемъ голосомъ, съ взволнованнымъ и печальнымъ лицомъ.— Я никогда не разсчитывалъ стать вашимъ королемъ. Посмотрите на меня и на себя...

Самый высокій изъ васъ—мнѣ едва доходитъ до колѣна. Смотрите, всѣ сосѣди будутъ смѣяться, надъ вами. „Вотъ,—скажутъ,—выбрали великана себѣ въ короли".

— Нѣтъ! Нѣтъ! Никто не посмѣетъ смѣяться!.. Пусть попробуютъ только!—горячо протестовалъ народъ.—Всѣ знаютъ, что ты былъ добрымъ и ласковымъ королевичемъ, значитъ—будешь милосерднымъ и справедливымъ королемъ. И другого короля мы не хотимъ.

— Будь по-вашему,—согласился Мріамъ. Я не смѣю идти противъ воли моего народа.

И въ тотъ же часъ онъ позволилъ надѣть себѣ на голову королевскую корону.

X.

Пышно и торжественно схоронили усопшую королевскую чету въ дворцовой усыпальницѣ, и новый Большой Король сталъ править королевствомъ.

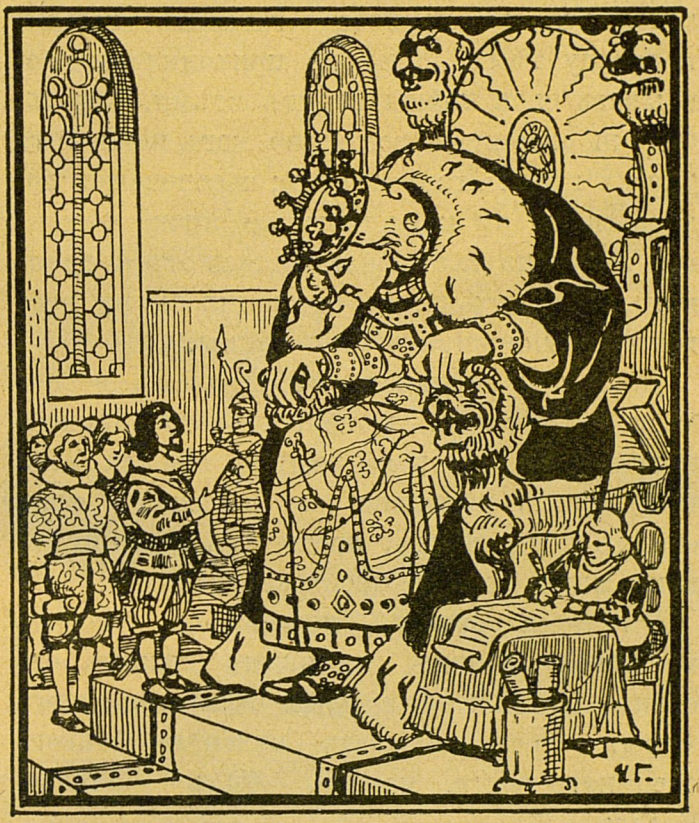
Не легкая задача представлялась теперь Большому Королю. Утромъ онъ вставалъ

съ восходомъ солнца и шелъ въ усыпальницу слушать панихиду у гробницы своихъ родителей, но своды усыпальницы были такъ низки, что для того, чтобы не стукнуться о нихъ головою, Мріамъ долженъ былъ не вставать съ колѣнъ во все продолженіе богослуженія.

Потомъ приходили министры и государственные сановники, и онъ рѣшалъ съ ними дѣла. Министры казались карликами сравнительно съ королемъ. Стоя передъ Мріамомъ, они должны были далеко закидывать назадъ головы, чтобы при разговорѣ съ нимъ смотрѣть ему въ лицо. А Мріамъ, чтобы видѣть своихъ собесѣдниковъ, принужденъ былъ сгибаться въ три погибели, до боли въ спинѣ и въ поясницѣ.

Послѣ утренняго засѣданія, Большой Король принималъ простыхъ горожанъ у себя въ кабинетѣ. Каждый подданный имѣлъ право приходить къ нему за помощью, за судомъ, за совѣтомъ. И каждаго Большой Король старался удовлетворить по мѣрѣ возможности и силъ.

Но тутъ-то и приходилось рѣшать далеко нелегкую задачу, и самому королю, и его



Что бы видѣть собесѣдниковъ, король сгибался въ три погибели.

подданнымъ. Часто люди являлись къ Большому Королю съ какими-нибудь тайными просьбами, за какими-нибудь совѣтами, о

которыхъ не хотѣлось говорить громко. А между тѣмъ. поневолѣ приходилось раскрывать свои тайны передъ всѣми. Король, будучи огромнаго роста, не могъ наклонить ухо къ губамъ говорившаго; королевская голова, какъ ни наклонялъ ее низко король, все же очень далеко находилась отъ подданнаго, и послѣднему приходилось во весь голосъ выкрикивать свои тайны.

Да и при встрѣчахъ съ королемъ возникали всевозможныя непріятности. Королю кланялись—король не видѣлъ. Иногда Большой Король нечаянно, не замѣчая у ногъ своихъ подданныхъ, проходилъ мимо нихъ, какъ мимо пустого пространства.

Въ дома своихъ подданныхъ король не могъ заходить, какъ это дѣлалъ его отецъ. Домики обывателей были слишкомъ малы, чтобы вмѣщать человѣка такого огромнаго роста, какимъ былъ Большой Король.

Огромный ростъ не мѣшалъ, королю быть правда, очень добрымъ, стараться каждому помочь, каждаго обласкать, надѣлить совѣтомъ, и все таки все чаще и чаще думалъ

Мріамъ о томъ, какъ бы хорошо было если бы онъ сдѣлался совсѣмъ обыкновеннымъ маленькимъ человѣкомъ, такимъ же какъ и его подданные. Сознавая что это невозможно, Мріамъ нѣсколько разъ предлагалъ министрамъ и сановникамъ сложить съ него королевскую власть и выбрать другого, болѣе подходящаго короля. Но тѣ приходили въ ужасъ отъ одной этой мысли короля.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше величество,—говорили они—ни мы, ваши сановники, ни народъ вашъ, ваши подданные, не желаемъ другого короля! Мы всѣ васъ любимъ, хотимъ чтобъ вы, и только вы, царствовали въ нашей странѣ.

XI.

Однажды Большой Король гулялъ по дальней аллеѣ своего дворцоваго парка.

Вдругъ онъ услышалъ за группою деревьевъ веселые молодые голоса и звонкій серебристый смѣхъ. Король, заинтересованный, поднялся на цыпочки и заглянулъ че-

резъ верхушки деревьевъ. За оградой парка находился чей-то садъ, и тамъ на площадкѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ играли въ воланъ, весело рѣзвясь и смѣясь между собою. Одна изъ дѣвушекъ особенно понравилась Большому Королю. У нея были прекрасныя длинныя бѣлокурыя косы и синіе какъ море, глаза. Лицо ея было блѣдно-розовое, съ серьезнымъ, полнымъ благородства выраженіемъ. Вся она казалась очень важною маленькой особою, и замѣтно выдѣлялась изъ толпы подругъ.

Большой Король долго смотрѣлъ на дѣвушку, и съ каждой минутой она все больше и больше нравилась ему.

Неожиданно быстрая, какъ вихрь, мысль промелькнула въ голову короля: „Что если онъ возьметъ въ жены эту дѣвушку, сдѣлаетъ ее королевой и своей помощницей? Юная королева станетъ сноситься съ его подданными, узнавать всѣ ихъ нужды, всѣ просьбы, всѣ желанья и будетъ передавать ихъ королю. Тогда ему не придется сгибать фигуру чуть ли не до земли, чтобы переговариваться съ народомъ. Королева будетъ служить посредницей

между народомъ и королемъ. А когда у королевской четы родятся маленькія дѣти, можетъ быть, королевичи замѣнятъ Большого Короля въ дѣлѣ управленія государствомъ".

Эта мысль такъ понравилась Мріаму, что онъ съ того дня только объ этомъ и думалъ и постоянно приходилъ смотрѣть на молодыхъ дѣвушекъ. И слушая то, что говорила понравившаяся ему дѣвушка, король рѣшилъ, что онъ не ошибся въ выборѣ: она оказалась очень умною, доброю, и ея подруги не даромъ называли ее то „умницею-головкою", то „золотымъ сердцемъ".

Прошло много дней, и король рѣшилъ, наконецъ, приступить къ осуществленію своей мысли. Однажды, придя въ паркъ, онъ взглянулъ на игравшихъ въ сосѣднемъ саду дѣвушекъ, потомъ, перевелъ глаза на вершину дерева.

Это была яблоня. Сочные янтарно-золотистые плоды дозрѣвали на солнцѣ. Большой Король протянулъ руку къ стволу дерева и изо всей силы покачалъ дерево.

Тутъ произошло нѣчто совсѣмъ непред-

видѣнное для гулявшихъ на площадкѣ дѣвушекъ. Цѣлый дождь румяныхъ, почти дозрѣвшихъ яблокъ посыпался на землю, прямо на площадку къ ногамъ юныхъ красавицъ.

— Кажется, начинается буря!—вскричали онѣ испуганно. — Смотрите какой поднялся вѣтеръ, какъ ломаетъ верхушки яблонь! Смотрите, смотрите, сколько онъ сбилъ плодовъ съ вѣтвей!

И дѣвушки тутъ же бросились подхватывать на лету падавшіе яблоки. Вдругъ одна изъ дѣвушекъ испуганно вскрикнула:

— Глядите, подруги: на вершинѣ дерева торчитъ человѣческая голова!

— Ай! ай! ай! въ страхѣ вторили ей остальныя,—голова на деревѣ! голова на деревѣ!

И всѣ дѣвушки со страшнымъ визгомъ кинулись въ разсыпную.

— Стойте, стойте, подруги!—кричала, стоя на мѣстѣ, та самая бѣлокурая дѣвушка, которая такъ понравилась Мріаму,—вѣдь это же нашъ король! Неужели же вы не узнали его?

Но остальныя дѣвушки и слушать не хотѣли бѣлокурую красавицу. Онѣ мчались со

всѣхъ ногъ, убѣгая съ визгомъ и пискомъ все дальше и дальше отъ садовой площадки, ничего не слыша, изъ того, что имъ кричала ихъ болѣе разсудительная подруга. А бѣлокурая красавица, не отводя глазъ, смотрѣла на вершину яблони, среди зелени которой ей улыбалось лицо Большого Короля.

XII.

Большой Король, не переставая улыбаться, выступилъ изъ-за дерева, перешагнулъ высокую ограду, отдѣлявшую королевскій паркъ отъ сосѣдняго сада, и очутился передъ бѣлокурой дѣвушкой.

Та отвѣсила низкій реверансъ королю и почтительно ждала его перваго слова.

— Какъ васъ зовутъ, милая дѣвушка и кто вы такая?—обратился къ ней съ вопросомъ Большой Король.

— Меня зовутъ Фреллой, ваше королевское величество. Я дочь одного изъ вашихъ сановниковъ.

И она снова сдѣлала Большому Королю низкій реверансъ.

Тогда Большой король взялъ за руку бѣлокурую дѣвушку и сталъ говорить ей, что онъ давно уже за ней слѣдитъ, что съ перваго же взгляда на нее полюбилъ ее и хочетъ взять ее въ жены и сдѣлать королевой, и надѣется, что она согласится помочь ему въ управленіи его подданными, въ общеніи его съ ними. Все это Мріамъ говорилъ стоя, низко согнувшись передъ красавицей, которая далеко не достигала ему до колѣна. Но Большой Король не чувствовалъ всего неудобства своей согнутой позы, и, несмотря на боль въ спинѣ и поясницѣ, все говорилъ, говорилъ и говорилъ безъ конца.

Чѣмъ дольше говорилъ Мріамъ, чѣмъ сердечнѣе звучала его рѣчь, чѣмъ ласковѣе сжимала его рука руку дѣвушки, тѣмъ сильнѣе волновалась послѣдняя, тѣмъ замѣтнѣе сбѣгалъ румянецъ съ ея лица, замѣняясь прозрачной блѣдностью. Вдругъ она вырвала руку изъ руки короля и съ пылающими глазами, съ блѣднымъ лицомъ, исполненнымъ страха и отчаянія, вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше величество... То, что

вы мнѣ предлагаете, невозможно! Велика честь, которую вы мнѣ желаете оказать, но... но, король, я не гожусь вамъ въ жены... Я вѣдь такая маленькая, а вы, ваше величество, чуть не въ десять разъ выше меня ростомъ... Я буду казаться всѣмъ вашею маленькою внучкою, а не женою... Подумайте, король, если бы я сдѣлалась вашею женою, я бы даже не могла разговаривать съ вами — ваше лицо такъ далеко, такъ высоко отъ моего... Я бы не могла ходить съ вами объ руку — вы слишкомъ высоки для этого... Нѣтъ! нѣтъ! Вамъ, ваше величество, нужно поискать другую невѣсту, которая по росту подходила бы вамъ... Я вѣдь, рядомъ съ вами, карлица... Я не могу быть вашей женой... Прикажите лучше бросить меня въ тюрьму за этотъ отказъ, но не заставляйте меня быть вашей женой!

Тутъ слезы брызнули изъ глазъ Фреллы, и она закрыла лицо своими маленькими ручками.

Глядя на нее заплакалъ и Большой Король. Онъ былъ въ отчаяніи. Послѣдняя надежда его на болѣе счастливую жизнь

исчезла. Эта милая дѣвушка отказалась отъ чести стать королевой единственно по той же причинѣ, которая составляла несчастье всей жизни его, короля: вслѣдствіе его огромнаго роста.

Что же ему оставалось дѣлать теперь?

Король совсѣмъ растерялся и плакалъ, какъ ребенокъ. Тяжелая слеза скатилась по его лицу и упала на землю. И — о ужасъ! — въ тотъ же мигъ небольшое озеро выросло на садовой площадкѣ... Упала вторая слеза изъ глазъ короля-великана, и второе озерко присоединилось къ первому... Третья и четвертая, пятая и шестая— образовали такія же озера на садовой площадкѣ.

— О, не плачьте, ваше величество! Не плачьте, ради Бога! — вскричала въ ужасѣ бѣлокурая Фрелла, — вы видите, во что превращаются ваши слезы... Перестаньте же во имя Бога, или вы потопите меня.

Дѣйствительно, съ каждой новой королевской слезою исчезала садовая площадка, превращаясь въ сплошное озеро, и въ немъ по колѣно въ водѣ металась Фрелла.

Король плакалъ, какъ ребенокъ...

Большой Король опомнился. Сдѣлалъ усиліе надъ собою и сдержалъ свои слезы. Потомъ быстро вынулъ изъ воды Фреллу,

отнесъ ее на сухое мѣсто, а самъ, глубоко опечаленный и угнетенный, зашагалъ къ своему королевскому дворцу.

XIII.

По возвращеніи въ свои покои, король Мріамъ сѣлъ за столъ и сталъ писать большое письмо:

„Милая няня Матрола! Не удивляйся этому письму. Тебѣ доставятъ его на „Черную Утку“ днемъ, а вечеромъ, прежде чѣмъ „Черная Утка“ успѣетъ поднять паруса, я, твой Большой Король, буду на вашей палубѣ съ тѣмъ, чтобы уплыть вмѣстѣ съ вами навсегда изъ моей страны. Я не хочу, или, вѣрнѣе, не могу быть больше королемъ, добрая Матрола. На каждомъ шагу я замѣчаю, какъ неудобно быть такимъ большимъ. Мои подданные не могутъ говорить со мною, съ такимъ великаномъ, да и самъ я часто, благодаря моему огромному росту, не замѣчаю того, что дѣлается внизу у моихъ ногъ. Даже честь и радость стать королевой не

привлекла къ такому безобразно большому человѣку, какъ я, полюбившуюся мнѣ дѣвушку.

Вотъ, добрая моя старая няня, сколько огорченій приноситъ мнѣ мой огромный ростъ! Я и рѣшилъ поэтому, во что бы то ни стало, стать обыкновеннымъ маленькимъ человѣкомъ. И не надо мнѣ ни власти, ни богатства, ни короны... Помню, какъ ты нѣсколько разъ въ моемъ дѣтствѣ разсказывала мнѣ о твоихъ морскихъ скитаніяхъ на „Черной Уткѣ“. Ты мнѣ говорила, между прочимъ, и о чудесномъ таинственномъ островѣ, гдѣ живетъ какая-то мудрая старуха, которая умѣетъ измѣнять внѣшній обликъ людей. Я и рѣшилъ отправится къ этой старухѣ, просить измѣнить мой ростъ. Я знаю, меня не отпустятъ добровольно отсюда мои подданные. Приходится сдѣлать все это тайкомъ. Матросы „Черной Утки“ сумѣютъ, я надѣюсь, скрыть мое пребываніе у васъ. А ты, моя славная няня Матрола, поддержишь во мнѣ силу для моего предпріятія и поможешь мнѣ его осуществить.

Любящій тебя

Мріамъ“.

Письмо это король отправилъ въ гавань, на судно „Черная Утка“, съ маленькимъ королевскимъ пажомъ. И этому пажу строго-настрого приказалъ никому не говорить, куда онъ доставилъ письмо.

Цѣлый день прождалъ отвѣта Мріамъ, волнуясь и не находя себѣ мѣста. Наконецъ, вернулся маленькій пажъ и принесъ отвѣтъ.

На засаленной бумажкѣ стояли всего только двѣ строчки:

„Ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ. Все устроимъ, какъ ты желаешь. Матрола“.

Въ тотъ же вечеръ, когда стемнѣло на улицахъ и королевская столица стала готовиться къ ночному отдыху, изъ задней двери дворца вышелъ огромный человѣкъ, закутанный въ плащъ.

Это былъ Большой Король. Никто не замѣтилъ, къ счастью, какъ, держась тѣни домовъ и городскихъ покоевъ, онъ пробрался къ дальнему концу города и достигъ гавани. Здѣсь онъ сѣлъ въ находившуюся у пристани большую королевскую лодку и поплылъ въ море, гдѣ у входа въ гавань, плавно пока-

чиваясь на сонной поверхности водъ, красовалась „Черная Утка“.

Если бы, впрочемъ кто и увидалъ въ гавани Большого Короля, то ничуть не удивился бы этому. Большой Король часто выѣзжалъ одинъ на морскую прогулку; всѣ знали его любовь къ морю, и не было ничего исключительнаго въ сегодняшнемъ его поступкѣ.

Нѣсколько взмаховъ весла, и королевская лодка очутилась у борта „Черной Утки“.

Всѣ матросы высыпали встрѣчать Мріама, а задохнувшаяся отъ счастья старая Матрола приняла его въ свои объятія.

XIV.

На другое утро маленькій пажъ, придя будить короля, не нашелъ его въ постели. Онъ осторожно сообщилъ объ этомъ дворецкому; дворецкій—управляющему дворцомъ; управляющій побѣжалъ оповѣщать адъютанта; адъютантъ передалъ начальнику караула. Встревоженный начальникъ полетѣлъ къ градоначальнику. Послѣдній кинулся къ гу-

бернатору. Губернаторъ, волнуясь и трепеща, верхомъ на лошади поскакалъ доложить первому министру-сановнику.

Первый министръ примчался въ тотъ же часъ во дворецъ, собралъ здѣсь всѣхъ вельможъ, сенаторовъ, министровъ, всѣхъ должностныхъ лицъ города. Въ ихъ присутствіи маленькій пажъ повторилъ страшную новость.

— Король исчезъ!

Всѣхъ охватило отчаяніе, всѣ пришли въ ужасъ.

А народъ, узнавъ о королевскомъ исчезновеніи, уже волновался на улицахъ. Несмотря на многія неудобства имѣть великана-правителя, народъ все же искренно и горячо любилъ своего добраго, умнаго, никому еще не причинившаго зла, короля.

Вдругъ пришла неожиданная вѣсть изъ гавани: сторожъ на маякѣ замѣтилъ, какъ король ночью сѣлъ въ лодку и поплылъ въ открытое море. А ночью поднялась буря, по морю гулялъ вѣтеръ и подъ утро лодку прибило къ берегу уже безъ короля. Значитъ,—такъ рѣшили всѣ,—король погибъ въ морѣ во время бури.

Всѣхъ охватило отчаяніе...

Тогда первый министръ велѣлъ расклеить повсюду объявленія:

„Король утонулъ. Кто доставитъ его

тѣло во дворецъ—тотъ получитъ большое вознагражденіе".

Затѣмъ весь городъ одѣлся въ трауръ. Служили заупокойныя мессы. Звонили протяжно и заунывно во всѣ колокола...

А въ это самое время „Черная Утка" все подвигалась и подвигалась впередъ, держа путь въ дальнюю страну, къ чудесному острову, гдѣ ждалъ избавленія Большой Король.

XV.

— Ваше королевское величество. Не откажите намъ въ чести принять на себя должность капитана корабля!

Эту просьбу выразилъ Большому Королю весь экипажъ „Черной Утки" на слѣдующій же день ихъ совмѣстнаго плаванія. Но Большой Король поблагодарилъ вѣрныхъ матросовъ и отказался отъ предложенной чести.

— Во-первыхъ, друзья мои, у васъ есть уже прекрасный опытный капитанъ судна, а во-вторыхъ, я желалъ бы вовсе забыть сейчасъ, что я король и хотѣлъ бы работать наравнѣ

со всѣми вами, какъ простой матросъ,—сказалъ онъ, сбросивъ свою королевскую одежду.

Большой Король намѣревался уже приняться за работу. Но—о горе!—и этого онъ не могъ исполнить: вѣдь онъ былъ слишкомъ большого роста для корабля, предназначеннаго для обыкновенныхъ людей. Напримѣръ, для того, чтобы подмести полъ на палубѣ, король долженъ былъ опускаться на колѣни и внимательно смотрѣть кругомъ, чтобы своими длинными ногами не задѣть за мачту, не толкнуть кого-либо изъ стоящихъ на палубѣ, не сбросить чего-либо въ воду. Спуститься внутрь корабля, въ трюмъ, онъ тоже не могъ: тамъ было слишкомъ мало мѣста для него. И бѣдному королю не оставалось ничего другого, какъ сидѣть все время на палубѣ, сложа руки, и смотрѣть, какъ работали матросы.

— Какой я несчастный!—подумалъ король и хотѣлъ было заплакать, но вспомнилъ, что отъ слезъ его можетъ образоваться на палубѣ такое же озеро, какъ тогда въ саду, когда онъ разговаривалъ съ молодою дѣву-

шкою, и что его слезы могутъ затопить весь корабль. И король сдержалъ свои слезы...

Но все же Мріаму обидно было сидѣть безъ дѣла, и онъ, какъ только могъ, старался помогать матросамъ. Онъ лазилъ на реи и мачты, укрѣплялъ паруса, стоялъ часами на вахтѣ. Матрола, то и дѣло, тихонько восторгалась имъ.

— Вотъ какого выняньчила!—хвалилась она матросамъ,—не бѣлоручку, не недотрогу какого-нибудь, а настоящаго работника-короля.

XVI.

Между тѣмъ „Черная Утка“ плыла все дальше и дальше. Уже давно исчезли изъ виду берега. Впереди, сзади, со всѣхъ сторонъ теперь было одно только море, да надъ нимъ голубое небо.

Синее море казалось тихимъ и невозмутимо спокойнымъ всѣ эти дни. Ни малѣйшій вѣтерокъ не рябилъ его зеркальной поверхности. Только мѣстами съ легкимъ журчаньемъ всплескивала вода; это рѣзвились

на солнцѣ большеголовые дельфины, да изрѣдка струя воды била фонтаномъ неподалеку отъ корабля: это играли и забавлялись киты подъ гладкой поверхностью моря.

— Хорошо на морѣ! Ахъ, какъ хорошо! Неправда ли, дѣточка моя, козявочка моя, милюсенькій мой Мріамъ!—говорила Матрола, обращаясь къ Большому Королю, забывая, что передъ ней не ребенокъ, котораго она укачиваетъ въ лодкѣ-люлькѣ, а взрослый уже, огромнаго роста, молодой король.

— Хорошо, Матролечка, хорошо, дорогая моя Матроска!—соглашался Мріамъ, называя свою старую няню тѣми же ласкательными именами, которыми онъ называлъ ее когда-то.— Такъ хорошо,—прибавилъ онъ однажды,—что я всю жизнь хотѣлъ бы остаться съ тобою на морѣ, на кораблѣ...

Матрола искренно возмутилась словами своего воспитанника. „Какъ? — подумала она,—неужели Мріамъ рѣшится бросить, покинуть своихъ подданныхъ, оставить страну безъ короля? Нѣтъ, нѣтъ, онъ непремѣнно долженъ вернуться въ свое королевство".

Однако, не желая разстраивать Мріама,

Матрола не рѣшалась высказать своей мысли королю.

Хотя на „Черной Уткѣ“ одинъ только командиръ судна могъ распоряжаться матросами и давать распоряженія, Матрола считала все таки своею обязанностью постоянно слѣдить, чтобы всѣ матросы были на мѣстахъ, давала разныя приказанія, слѣдила, чтобы всѣ работы исполнялись исправно. Матросы слушались ея, въ душѣ побаиваясь огромной женщины.

XVII.

— Эй, Тукъ, посмотри-ка хорошенько, что тамъ виднѣется вдали на морѣ? Никакъ корабль какой-то идетъ вслѣдъ за нами,— обратилась въ одно утро Матрола къ стоявшему на вахтѣ молодому матросу.

Матросъ приложилъ руки къ глазамъ, заслонилъ ихъ отъ солнца, долго вглядывался въ даль, затѣмъ взялъ въ руки большую подзорную трубу и сказалъ:

— Вѣрно говоритъ Матрола: за нами гонится корабль. И при томъ какой-то странный... На немъ и флага-то нѣтъ.

Матрола взяла изъ рукъ матроса подзорную трубу, посмотрѣла въ нее и тотчасъ же сказала:

— Это корабль морскихъ разбойниковъ, пиратовъ. Я даже вижу, что на палубѣ стоятъ они, пираты... Скорѣе бѣги къ капитану, доложи о томъ, что нашему судну предстоитъ встрѣча съ морскими разбойниками... И королю тоже доложи... А я созову пока всѣхъ нашихъ матросовъ на палубу... Надо приготовиться встрѣтить отважно пиратовъ...

Черезъ минуту мощный голосъ Матролы уже гремѣлъ на все судно:

— Эй, матросы сюда! За нами гонятся морскіе разбойники... Они вскорѣ настигнутъ насъ и нападутъ на „Черную Утку“. Приготовьте же оружіе! Спасите вашего короля, ваше судно и собственную честь!

Едва Матрола договорила послѣднія слова, какъ всѣ находившіеся на кораблѣ люди схватились за оружіе. Кто вооружился кинжаломъ, кто пистолетомъ, кто саблей, кто кортикомъ, кто кухоннымъ ножомъ. Даже мужъ Матролы, кочегаръ Доль, прита-

щилъ тяжеловѣсную кочергу изъ трюма и размахивалъ ею вправо и влѣво.

Между тѣмъ разбойничье судно приблизилось. Это былъ огромный корабль съ сильнымъ и многочисленнымъ составомъ команды. Команда пиратовъ высыпала на бортъ корабля, носившаго названіе „Акула“.

Одинъ изъ пиратовъ, очевидно, главный командиръ, закричалъ, обращаясь къ экипажу „Черной Утки“:

— Эй вы, горе-моряки, сдавайтесь-ка безъ битвы, да выдавайте намъ короля-великана. Знаемъ мы, что онъ находится среди васъ. За такого плѣнника мы получимъ хорошій выкупъ... Коли дадите намъ Большого Короля добромъ, подѣлимся дружно съ вами доходомъ, а не отдадите намъ Мріама—пеняйте сами на себя... Насъ много, васъ мало; сила, стало-быть, на нашей сторонѣ!

Начальникъ пиратовъ кончилъ свою рѣчь и ждалъ отвѣта. Но вмѣсто этого, Матрола велѣла командѣ „Черной Утки“ направить судно къ кораблю пиратовъ, и послѣдніе не успѣли опомниться, какъ Матрола, быстро шепнувъ что-то на ухо Мріаму, бросилась

вмѣстѣ съ нимъ впередъ, однимъ шагомъ перешагнула съ борта „Черной Утки“ на бортъ „Акулы“, схватила рукою за голову начальника пиратовъ, приходившагося ей по колѣнку, и швырнула его въ море. Затѣмъ она протянула было руку съ тою же цѣлью къ двумъ близъ стоявшимъ къ нему пиратамъ, его помощникамъ, но тутъ Мріамъ, очень добрый и милосердный по натурѣ, сталъ просить Матролу не губить людей.

— Лучше перевязать ихъ всѣхъ и отправить плѣнниками въ мое королевство или высадить куда-нибудь на ближайшій островъ, а судно ихъ предать огню,—посовѣтовалъ онъ.

— И то дѣло, ваше величество!—согласилась Матрола.—Эй вы, Кокъ, Тукъ и всѣ другіе, спѣшите ко мнѣ на помощь, да помогите перевязать всѣхъ этихъ бездѣльниковъ!—закричала она своимъ грубымъ и громкимъ голосомъ, обращаясь къ командѣ „Черной Утки“.

Пираты растерялись. Они не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, какъ сильныя руки Большого Короля и его бывшей няньки перехва-

тали ихъ и побросали на палубу, а команда „Черной Утки“ крѣпко-на-крѣпко перевязала ихъ всѣхъ. Затѣмъ пиратовъ отвезли на берегъ ближайшаго острова и оставили тамъ, а ихъ разбойничье судно подожгли со всѣхъ сторонъ.

Скоро на мѣстѣ „Акулы“ всталъ огромный столбъ огня и дыма. Освѣщенная отблескомъ этого гигантскаго костра „Черная Утка“ поплыла дальше.

XVIII.

Прошелъ день, другой, третій. „Черная Утка“ безъ всякихъ приключеній благополучно двигалась впередъ по морскимъ волнамъ.

— Я вижу вдали чудесный островъ! — вскричалъ однажды поутру стоявшій на вахтѣ матросъ.

Большой Король, обрадованный этимъ извѣстіемъ, сталъ внимательно вглядываться въ даль. Но тамъ вдали трудно было что либо разглядѣть. Море шумѣло, кипѣло и пѣнилось со всѣхъ сторонъ. Высоко вздымались къ небу черныя волны. Вѣтеръ немилосерд-

Сильныя руки Большого Короля и его няньки перехватали пиратовъ...

но трепалъ паруса. Страшная буря поднялась на морѣ.

Капитанъ „Черной Утки“ приказалъ убрать паруса, снять снасти. Теперь „Черная Утка“ носилась, какъ игрушечное суденышко, изъ стороны въ сторону швыряемое вѣтромъ. Огромныя волны прыгали вокругъ нея, грозя потопить несчастный корабль. А до берега было еще далеко; правда гдѣ-то вдали чернѣла узкая полоска земли, но между нею и обреченной уже, повидимому, на гибель „Черной Уткой“ лежало грозное, взбаломученное бурей, море.

Эта буря крѣпчала съ каждой минутой и ничего добраго не обѣщала судну.

Большой Король, капитанъ корабля и Матрола стояли на носу „Черной Утки“ и жадно глядѣли впередъ.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ вдали таинственный островъ,—съ полною увѣренностью, указывая рукою на виднѣвшуюся впереди полоску земли, сказалъ капитанъ.

Въ эту минуту гдѣ-то въ трюмѣ послышались отчаянные крики. „Мы тонемъ! Тонемъ! Корабль далъ течь... Весь трюмъ залитъ водой!..“

Люди забѣгали и засуетились на палубѣ.

Стали спѣшно приготовлять лодки, укладывать въ нихъ провизію, оружіе, бочки съ прѣсной водой. Вдругъ „Черную Утку“ изо всей силы наклонило на бокъ, приподняло носъ надъ водою, и въ тотъ же мигъ корабль сталъ медленно погружаться въ воду...

XIX.

Холодная волна захлеснула съ головою Большого Короля, смыла его съ палубы и далеко отшвырнула въ бушующее море.

Мріамъ плавалъ какъ рыба, но съ разсвирѣпѣвшею бурей врядъ-ли могъ справиться даже такой большой и сильный человѣкъ, какъ онъ. Однако, онъ изо всѣхъ силъ работалъ руками и ногами, старался во что бы то ни стало удержаться на поверхности. Это было далеко не легко. Волны то и дѣло наскакивали съ бѣшенствомъ на изнемогавшаго пловца, заливали его съ головою, ошеломляли и терзали, какъ настоящія живыя чудовища, все его тѣло. Мріамъ выбивался изъ силъ... Вотъ въ послѣдній разъ взмахнулъ онъ руками, сдѣлалъ

невѣроятное усиліе надъ собою и всплылъ на гребнѣ огромной, пѣнящейся волны. Въ тотъ же мигъ другая волна подскочила ему навстрѣчу, ударила по головѣ, оглушила, ослѣпила и, завертѣвъ совершенно лишеннаго силъ короля въ бѣшеномъ водоворотѣ, понесла его какъ щепку дальше...

. . . . . .

Большой Король пришелъ въ себя только подъ утро и съ удивленіемъ оглянулся... Онъ лежалъ на берегу совершенно ему незнакомой земли, прибитый сюда, очевидно, бурей.

Весь берегъ былъ зеленый, мягкій и пушистый, заросшій шелковистой травой. Въ травѣ мелькали дикіе цвѣточки, которыхъ Мріамъ никогда не видѣлъ въ своей странѣ. Дивный ароматъ сладкой струею носился въ воздухѣ. А надъ головою короля зелеными шатрами раскинулись деревья. Огромныя перистыя пальмы, стройные какъ свѣчи прямые кипарисы уходили въ небо, кокосовыя деревья, отягощенныя плодами, раскинули здѣсь и тамъ свой тѣнистый навѣсъ. Пестрыя птички съ самымъ разнообразнымъ опереніемъ носились, порхая

съ вѣтки на вѣтку. Онѣ пѣли и чирикали, свистѣли и попискивали на разные голоса. А на вѣтвяхъ деревьевъ, забавно перепрыгивая съ сучка на сучокъ, рѣзвились маленькія обезьянки, выдѣлывая такія потѣшныя гримасы, что Мріамъ не утерпѣлъ и расхохотался, глядя на нихъ. Въ тотъ же мигъ онъ услышалъ отвѣтный хохотъ, гдѣ-то близко отъ себя.

Большой Король, удивленный, быстро, насколько позволяла ему его усталость, повернулъ голову. Передъ нимъ стояла дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Она была вся точно бронзовая. Ея тѣло и лицо были коричневаго цвѣта и лоснились, какъ самый блестящій атласъ. Черные волосы, захваченные золотымъ обручемъ, спускались ниже колѣнъ, полосатая юбка и бѣлая рубашка, вся обшитая блестящими раковинками, были наброшены на ея тонкое стройное тѣло. Яркіе, большіе, блестящіе черные глаза дѣвочки смотрѣли бойко, весело и жизнерадостно изъ подъ выбившихся на лобъ черныхъ курчавыхъ прядей.

Эти глаза и открытое, доброе личико сра-

зу расположили въ ея пользу Большого Короля.

Мріамъ, еще весь мокрый послѣ своего невольнаго плаванія по бурному морю (которое сейчасъ было вполнѣ гладко и спокойно на видъ), вскочилъ на ноги и подошелъ къ дѣвочкѣ, казавшейся, какъ и всѣ люди, крошечной лилипуткой передъ нимъ, великаномъ королемъ.

— Не бойся, милая дѣвочка, я ничего дурного тебѣ не сдѣлаю,—обратился къ ней король, опасаясь, что дѣвочка испугается внезапно появившагося человѣка такого огромнаго роста.

Но коричневая дѣвочка нисколько не испугалась огромнаго человѣка и весело закивала ему головой.

— Не можешь ли ты, милая дѣвочка, сказать мнѣ, гдѣ я нахожусь и что это за земля, на которой я очутился?—спросилъ король.

— Какъ? Развѣ ты этого не знаешь, добрый человѣкъ? — удивилась дѣвочка.—Ты находишься на чудесномъ островѣ. А выброшенъ ты былъ на нашъ берегъ морскою вол-

Передъ нимъ стояла дѣвочка лѣтъ четырнадцати...

ною во время бури, которая свирѣпствовала всю ночь.

— Неужели я на чудесномъ островѣ!— радостно воскликнулъ Мріамъ—Я вѣдь сюда и хотѣлъ попасть. Скажите, милая дѣвочка, не здѣсь ли, на этомъ островѣ, живетъ добрая волшебница, по имени Лойя?—спросилъ король.

— Да, да, здѣсь,—отвѣтила дѣвочка.

Тогда король сталъ разспрашивать дѣвочку, не знаетъ ли она, дѣйствительно ли мудрая Лойя умѣетъ превращать маленькихъ карликовъ въ большихъ людей, а великановъ и людей огромнаго роста въ обыкновенныхъ.

— Конечно, знаю,—отвѣтила дѣвочка.— Вѣдь я прихожусь внучкою мудрой Лойѣ, и не разъ видѣла, какъ къ бабушкѣ приходили разные люди и просили: одни уменьшить ихъ ростъ, другіе—увеличить, толстяки, которые хотѣли быть потоньше, худощавые, которые желали быть потолще... И всѣ они уходили затѣмъ довольные и радостные, потому что у бабушки Лойи есть такая удивительная мазь, которою она можетъ передѣлывать людей, какъ угодно...

— Такъ это, значитъ, правда?—спросилъ король.

— Конечно, правда.

— Слушай, дѣвочка, не сведешь ли ты меня къ твоей бабушкѣ?—обратился король къ дѣвочкѣ.

— Съ удовольствіемъ.

Тутъ она схватила за руку Большого Короля, и звонко смѣясь и подпрыгивая, потащила его отъ берега по тѣнистой лѣсной дорогѣ.

По дорогѣ дѣвочка разсказала королю, что ее зовутъ Нія, что она очень любитъ свою бабушку, что ея бабушка очень добрая и всегда охотно помогаетъ своимъ волшебнымъ знаніемъ всѣмъ обращающимся къ ней.

Черезъ нѣсколько минутъ они достигли селенія. По дорогѣ имъ то и дѣло попадались навстрѣчу высокіе, статные, здоровые, красивые люди, мужчины и женщины, съ коричневой кожей, привѣтливо и ласково улыбавшіеся Большому Королю.

Ихъ лица, какъ и лицо Ніи, были удивительно привлекательны, а глаза смотрѣли смѣло, ясно и добродушно на Божій міръ.

Селеніе, въ которое привела Нія Мріама, такъ же, какъ и обитатели его, чрезвычай-

но понравилось Большому Королю. Домики коричневаго племени были выложены изъ прибрежнаго камня, обвиты зеленымъ гибкимъ плющомъ и ползучими розами. Всѣ они имѣли нарядный и изящный видъ. На полянѣ за каждымъ домомъ зеленѣли поля маиса и кукурузы. Дальше—красиво раскинулись пастбища. Здоровый и сытый скотъ пасся на нихъ. Около одного изъ домиковъ, вѣрнѣе хижины, Нія остановилась.

— Здѣсь живетъ моя бабушка, мудрая Лойя... Входи въ нашъ домъ!—пригласила она Большого Короля.

Большой Король растерялся. Увы! его огромный ростъ не позволялъ ему войти въ маленькое отверстіе двери.

Тогда коричневая дѣвочка придумала другое.

— Подожди меня здѣсь. Я приведу бабушку сюда!

И ея тонкая фигурка исчезла за порогомъ домика.

Черезъ нѣкоторое время она появилась снова въ сопровожденіи привѣтливой женщины.

— Вотъ это моя бабушка Лойя,—сказала дѣвушка.

Король былъ сильно удивленъ. Онъ думалъ встрѣтить ветхую старушку, а между тѣмъ передъ нимъ стояла женщина, которая казалась совсѣмъ не бабушкой, а, вѣрнѣе, старшей Ніиной сестрой,—такъ черны были ея волосы, такъ свѣжо было ея совсѣмъ молодое лицо.

— Что скажешь, милый человѣкъ? Что нужно тебѣ отъ меня?—спросила она послѣ первыхъ словъ привѣтствій.—Впрочемъ, прибавила она,—я вижу, ты усталъ и проголодался. Сядь пока въ саду, я принесу тебѣ поѣсть и попить, а потомъ уже ты разскажешь мнѣ, что привело тебя ко мнѣ.

И Лойя быстро направилась въ свою хижину и принесла оттуда большой кувшинъ съ молокомъ и огромный каравай хлѣба.

Мріамъ жадно принялся за ѣду. Никогда еще ни одно изъ дорогихъ блюдъ, которыя искусно приготовлялъ придворный поваръ, не приходилось такъ по вкусу королю, какъ этотъ скромный завтракъ.

— Ну-съ, теперь разсказывай, какъ и за-

чѣмъ ты пришелъ ко мнѣ,—сказала Лойя, когда Мріамъ, поблагодаривъ за угощеніе, отодвинулъ пустой кувшинъ.

Большой Король разсказалъ сначала о своемъ путешествіи, о случившейся бурѣ и о гибели команды „Черной Утки", а затѣмъ сталъ излагать Лойѣ то, для чего онъ стремился къ ней на чудесный островъ.

Мріамъ сначала не хотѣлъ сказать, что онъ король, но когда Лойя, упорно взглянувъ ему въ глаза, спросила:—„Ты кто?"—Мріамъ чистосердечно открылъ Лойѣ свою тайну: онъ король, Большой Король, между тѣмъ какъ всѣ его подданные люди обыкновеннаго роста, но въ сравненіи съ нимъ—карлики. И хотя народъ любитъ его, но онъ все-таки постоянно замѣчаетъ, какъ неудобно имъ имѣть короля-великана.

— Ты хочешь стать обыкновеннымъ человѣкомъ, хочешь уменьшить свой огромный ростъ для удобства и пользы твоихъ подданныхъ?—заговорила въ отвѣтъ ему Лойя.—Это похвальное и разумное желаніе и я готова всячески помочъ тебѣ.

При послѣднихъ словахъ Лойя хлопнула

въ ладоши. Въ тотъ же мигъ четыре коричневыхъ человѣчка выросли передъ нею, какъ изъ-подъ земли.

— Друзья мои,—обратилась къ нимъ женщина,—помогите мнѣ въ моемъ дѣлѣ... Большой Король не можетъ помѣститься въ моемъ домѣ. Положите его на полянѣ, разбейте надъ нимъ шатеръ, снимите съ него одежды и натрите все его тѣло этимъ снадобьемъ.

Тутъ она опустила руку въ карманъ и вынула оттуда какую-то плотно закупоренную баночку. Вынула и подала своимъ помощникамъ.

Тѣ почтительно поклонились Большому Королю и пригласили его слѣдовать за собою.

XX.

Большой Король по приглашенію своихъ спутниковъ растянулся на мягкой душистой травѣ прилегавшаго къ селенію поля. Четыре коричневыхъ спутника очень быстро и ловко разбили шатеръ-палатку надъ его головою,

помогли раздѣться Мріаму и осторожно и нѣжно стали растирать все его тѣло тою таинственною мазью, которую передала имъ въ баночкѣ мудрая Лойя. Едва лишь руки ихъ коснулись его, какъ необыкновенно тонкій ароматъ пронесся въ воздухѣ и сладкой волною закружилъ голову Большого Короля. Глаза его сомкнулись въ какой-то пріятной усталости, и онъ погрузился не то въ сонъ, не то въ забытье...

Вдругъ, точно отъ какого-то толчка, Мріамъ проснулся, и съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ таетъ съ каждымъ мгновеніемъ, какъ таетъ снѣгъ подъ вешними лучами солнца. Вотъ все меньше и меньше дѣлается онъ въ объемѣ съ каждой секундой. Вотъ его руки, ноги, туловище и голова стали совсѣмъ крохотными, и весь онъ сдѣлался словно не болѣе мизинца обыкновеннаго человѣка.

— Что же это такое? Неужели же по ошибкѣ мудрая Лойя дала мнѣ не ту мазь или пошутила надо мною и изъ великана—превратила меня въ карлика?—подумалъ Мріамъ.

Но тутъ четыре человѣка бросились къ нему снова и вновь начали растирать его.

И король чувствовалъ, какъ онъ становится опять больше и больше и изъ карлика превращается въ человѣка обыкновеннаго роста—такого, какого были всѣ его подданные.

— Теперь готово! Вотъ вы больше и не великанъ, а обыкновенный смертный по росту!—произнесъ одинъ изъ коричневыхъ людей и, протянувъ руку, помогъ Мріаму подняться съ земли.

Дѣйствительно, теперь Мріамъ казался не больше не меньше человѣка обыкновеннаго высокаго роста.

Большой Король точно совсѣмъ переродился.

Статная широкоплечая фигура короля и золотистая голова съ красивыми тонкими чертами лица очень выиграли отъ чудеснаго превращенія.

Такъ какъ одежда, въ которой пріѣхалъ король, была сшита, когда онъ былъ еще великаномъ, то она не годилась теперь Мріаму. Но ему въ шатеръ принесли новое,

платье, такое, какое носили коричневые жители чудеснаго острова; они же и помогли Мріаму его одѣть.

Когда Мріамъ вышелъ изъ шатра-палатки, его встрѣтила Лойя:

— Ну что, ты доволенъ теперь?—спросила она.

— О, мудрая Лойя,—отвѣтилъ король.—Я не знаю, какъ и благодарить тебя. Все мое золото, всѣ мои богатства, все, все, я готовъ отдать тебѣ теперь за то, что ты превратила меня въ обыкновеннаго человѣка...

— Мнѣ не надо ни твоего золота, ни твоихъ богатствъ, и за мою волшебную мазь я никакой награды не требую, — отвѣтила Лойя.—Я рада, что могла помочь тебѣ... Быть можетъ,—прибавила она затѣмъ,—у тебя есть еще какое-нибудь желаніе, скажи: если я въ состояніи буду его исполнить, то исполню охотно...

Тогда король сталъ просить мудрую Лойю найти способъ провѣдать что-либо о погибшей „Чѣрной Уткѣ“, о командѣ потонувшаго судна и о нянѣ Матролѣ, которую онъ любилъ, какъ родную мать. Но увы!

на этотъ разъ мудрая Лойя ничѣмъ не могла ему помочь.

XXI.

Прошло нѣсколько дней. Мріамъ хотѣлъ уже совсѣмъ остаться на чудесномъ островѣ и зажить тамъ, вмѣстѣ съ коричневыми обитателями, какъ простой человѣкъ, отказаться отъ королевской власти, но мудрая Лойя сказала ему:

— Нѣтъ, ты долженъ вернуться въ твое королевство, которое ты покинулъ, и опять взять въ свои руки бразды правленія... Твои подданные, навѣрное, недоумѣваютъ, куда ты исчезъ, и ждутъ, не дождутся тебя...

— Какъ же я вернусь,—возразилъ король, —когда мое королевство находится далеко за моремъ, а у меня нѣтъ судна, на которомъ я могъ бы переправиться туда.

— Не безпокойся, жители нашего острова построятъ для тебя судно, — отвѣтила Лойя.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней коричневые жители чудеснаго острова снарядили для Мріама почетное судно.

Не помня себя отъ радости, бросился Мріамъ благодарить свою спасительницу. Онъ опять обѣщалъ ей въ награду отдать, какія она пожелаетъ, королевскія сокровища, много денегъ, много подарковъ.

Но мудрая Лойя только головой покачала въ отвѣтъ на всѣ его обѣщанія.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно ни денегъ, ни подарковъ, — произнесла она, — будь только справедливымъ, добрымъ и милосерднымъ королемъ въ твоей странѣ, и я буду вознаграждена вполнѣ за оказанную тебѣ помощь.

Тогда новая мысль мелькнула въ головѣ Мріама.

— Разрѣши, по крайней мѣрѣ, мудрая Лойя, осчастливить твою внучку и разрѣши ей отправиться вмѣстѣ со мною въ мое королевство. Я постараюсь, чтобы она заняла почетное мѣсто при моемъ дворѣ.

— Что касается этого, то пусть Нія рѣшаетъ сама! — отвѣтила мудрая Лойя. Если она согласна, пусть ѣдетъ съ тобою. Я ничего не имѣю противъ.

Мріамъ протянулъ руку дѣвочкѣ и спросилъ ее:

— Милая Нія! Что ты скажешь на это?

Но дѣвочка молчала. Только глаза ея сіяли какъ-то необыкновенно ярко, да счастливая улыбка освѣщала прелестное личико. По этимъ глазамъ, по этой улыбкѣ король рѣшилъ, что дѣвочкѣ очень хотѣлось уѣхать. Но, къ удивленію его, она отвѣтила:

— Я у бабушки одна. И уѣхать отъ нея не желаю.

Тогда опечаленный Мріамъ сказалъ:

— Быть можетъ, вы измѣните ваше рѣшеніе. Знайте поэтому, что если когда-нибудь вздумаете побывать въ моей странѣ—къ вашимъ услугамъ весь мой королевскій дворецъ.

Трогательно простившись съ доброю волшебницею и ея внучкою, Мріамъ сѣлъ на приготовленный для него корабль.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ жителей чудеснаго острова вызвалось проводить Мріама въ его королевство.

Въ тотъ же день снаряженный ими корабль

отплылъ изъ гавани Чудеснаго Острова, увозя въ дальній путь Мріама.

Безбурно было въ эти дни море, никакія случайности не мѣшали обратному возвращенію домой короля Мріама.

Легко закончился продолжительный путь въ Мріамово королевство, и черезъ нѣсколько недѣль король Мріамъ высадился въ гавани своей королевской столицы.

XXII.

Мріамъ вышелъ на берегъ и направился по дорогѣ къ своему дворцу. Это уже былъ не прежній Большой Король, а простой обыкновенный красивый юноша въ матросской одеждѣ, статный, широкоплечій, съ золотистой шапкой волосъ на головѣ. И никто изъ попадавшихся ему навстрѣчу людей не узналъ въ немъ своего прежняго короля-великана.

Придворные съ равнодушнымъ видомъ проходили мимо него по улицѣ, задѣвали его плечомъ, смотрѣли ему въ лицо и не узнавали. Вотъ онъ встрѣтилъ своего пер-

ваго министра, проѣхавшаго мимо въ экипажѣ по главной улицѣ. Министръ бросилъ бѣглый взглядъ на Мріама и тоже не узналъ его.

Незамѣтно дошагалъ король до своего дворца. Тамъ собралась огромная толпа народа. Народъ ждалъ чего-то. Всѣ головы были обращены къ дворцовому крыльцу. Всѣ лица выражали самое крайнее нетерпѣніе.

— Чего вы ждете здѣсь?—вмѣшавшись въ толпу, спросилъ у одного пожилого горожанина Мріамъ.

— Мы ждемъ выхода нашего короля! — отвѣчалъ старикъ.

— Какъ? Развѣ король въ столицѣ?— удивился Мріамъ.

— Конечно! Гдѣ же ему быть какъ не здѣсь? Король Раиль еще со дня своего восшествія на престолъ никуда не уѣзжалъ.

— Какъ Раиль? Да вѣдь вашего короля зовутъ Мріамомъ!—почти въ голосъ вскричалъ ошеломленный король.

— Эге! Видно сразу, что ты, братецъ, чужеземецъ и ничего не знаешь о нашихъ дѣлахъ,—засмѣялся старикъ.—Правда твоя,

у насъ король-великанъ Мріамъ, Большой Король по прозвищу, да погибъ онъ въ морѣ, почему и пришлось намъ выбрать другого короля. А теперь король Раиль властвуетъ надъ нами.

Едва успѣлъ произнести эти слова старикъ, какъ кулаки Мріама крѣпко сжались, а поблѣднѣвшее лицо исказилось отъ гнѣва.

Какъ? Его подданные воспользовались его отсутствіемъ и выбрали себѣ другого короля! Но вѣдь онъ живъ еще Мріамъ, онъ не умеръ! Онъ сейчасъ вбѣжитъ на крыльцо и объявитъ о томъ народу... Онъ созоветъ своихъ вѣрныхъ горожанъ, солдатъ, войско и заставитъ ихъ убрать, выгнать изъ столицы этого непрошеннаго короля. Онъ добьется во что бы то ни стало снова своей потерянной власти. Онъ сейчасъ же чистосердечно разскажетъ обо всемъ своему народу... Онъ...

Но тутъ волнующія короля Мріама мысли были прерваны радостными кликами толпы.

— Да здравствуетъ король Раиль! Да здравствуетъ нашъ славный, любимый властитель!

—Чего вы ждете здѣсь?—спросилъ король Мріамъ...

Мріамъ, не вѣря своимъ ушамъ, оглядѣлъ тѣснившихся вокругъ него горожанъ. Рѣшительно всюду, вблизи и вдали отъ него, были одни только счастливыя и радостныя

лица. Всѣ глаза съ неподдѣльнымъ восторгомъ были обращены на крыльцо.

— Вотъ онъ, нашъ солнышко-король. Дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать! Добръ онъ къ намъ, какъ родной отецъ, заботливъ, нѣженъ и справедливъ. Поистинѣ прекраснымъ королемъ наградила судьба наше королевство,—успѣлъ разслышать Мріамъ отдѣльные голоса въ толпѣ.

Весь исполненный глубокаго негодованія и печали, Мріамъ перевелъ глаза на крыльцо. Тамъ стоялъ новый король съ мужественнымъ честнымъ и добрымъ лицомъ, ласково и привѣтливо бесѣдовавшій со своими подданными.

Съ трудомъ пробрался Мріамъ къ самому крыльцу, чтобы послушать, что говоритъ Раиль окружавшимъ его горожанамъ, и слушая его рѣчь, убѣдился тутъ же, что новый король настолько же уменъ и справедливъ, насколько привѣтливъ и добръ.

Блѣдный, потрясенный до глубины души, обратился Мріамъ къ ближайшему сосѣду.

— Неужели вамъ не жаль прежняго короля?—спросилъ онъ его.

Горожанинъ тихо покачалъ головою:

— Какъ не жаль—жаль, понятно. Хорошій человѣкъ былъ Большой Король, однако, правду сказать, неудобно намъ было всѣмъ съ нимъ. Великъ онъ былъ для насъ черезъ мѣру... Ни поговорить съ нимъ, ни посовѣтоваться. Очень трудно было намъ съ такимъ королемъ. А любили мы всѣ его не меньше новаго.

И сказавъ это, горожанинъ сорвалъ съ головы шляпу, подбросилъ ее кверху и закричалъ во весь голосъ:

— Да здравствуетъ Раиль! Да здравствуетъ нашъ новый король!

XXIII.

Печально свѣсивъ голову на грудь, шагалъ Мріамъ по улицамъ своей прежней столицы.

Вокругъ него тѣснились толпы народа въ ожиданіи проѣзда новаго короля.

То и дѣло онъ улавливалъ ухомъ имя Раиля, о которомъ всѣ эти люди отзывались съ большой похвалой. Очевидно, его любили,

имъ дорожили, этимъ новымъ королемъ Раилемъ.

Когда Мріамъ почти достигъ гавани, мимо него промчалась королевская карета. Въ ней сидѣлъ новый король Раиль. Онъ то и дѣло приподнималъ шляпу и привѣтливо-ласково раскланивался со своимъ народомъ. А народъ бѣжалъ за его экипажемъ, бросалъ ему цвѣты и радостно кричалъ ему вслѣдъ.

— Да здравствуетъ король Раиль на многіе годы!

Мріамъ прибавилъ шагу и, очутившись въ гавани, сѣлъ у берега и заплакалъ. Заплакалъ и о потерянной имъ королевской власти, и о томъ, что народъ такъ скоро забылъ его, такъ скоро полюбилъ другого, новаго короля. Теперь Мріамъ плакалъ спокойно, зная, что онъ обыкновенный человѣкъ и что его слезы не затопятъ ничего.

Долго-долго плакалъ Мріамъ, какъ вдругъ замѣтилъ стоявшее у самаго берега судно.

— Да вѣдь это „Черная Утка“!—воскликнулъ Мріамъ.

— Да, да, ты не ошибся,—заявилъ про-

ходившій мимо старый матросъ.—Это судно на самомъ дѣлѣ называется „Черная Утка“. Оно потерпѣло крушеніе, было выброшено на берегъ далекой земли, гдѣ его опять починили, и весь экипажъ вернулся на немъ теперь обратно.

— „Черная Утка“ здѣсь! „Черная Утка“ спаслась! Значитъ, и моя Матрола здѣсь!—лепеталъ Мріамъ и думалъ, какъ бы пробраться на судно.

Какъ разъ въ это время съ „Черной Утки“ по помосту сошла на берегъ женщина высокаго роста.

Мріамъ сразу узналъ свою старую няню.

— Матрола! Матролочка! Матрола!—воскликнулъ онъ, бросаясь ей навстрѣчу.

Матрола прищурила глаза, внимательно посмотрѣла на незнакомаго ей человѣка и спросила:

— Ты кто такой? И откуда ты меня знаешь?

— Матрола! Матролочка! Неужели и ты не узнаешь меня? Вѣдь я Мріамъ, твой воспитанникъ Мріамъ!

— Мріамъ?!.

Матрола еще разъ, нагнувшись, посмотрѣла

прямо въ лицо королю, наконецъ, воскликнула радостно:

— Да! Да! Это Мріамъ! Мой милый дорогой Мріамъ! Онъ живъ! Онъ не погибъ!—и она обняла короля и стала покрывать поцѣлуями его лицо, лобъ, руки.

XXIV.

Эту ночь Мріамъ провелъ на „Черной Уткѣ".

Матросы, старые знакомые короля, узнавъ, кто такой красивый молодой человѣкъ, который вмѣстѣ съ Матролой направляется на ихъ корабль, встрѣтили его низкими поклонами и криками:

— Да здравствуетъ король Мріамъ!

Но Мріамъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Друзья мои! Я больше не король! Мой народъ, полагая, что я погибъ, выбралъ другого короля—Раиля.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ты—король и долженъ царствовать впредь, какъ царствовалъ раньше! Мы не признаемъ другого короля, кромѣ тебя!—въ одинъ голосъ заявили матросы.

— Друзья мои! Я не желаю идти противъ воли народа, а также не желаю, чтобъ изъ-за меня начались какія-либо ссоры и смуты,— отвѣтилъ Мріамъ.

Затѣмъ, по просьбѣ матросовъ, король подробно разсказалъ, какъ онъ былъ выброшенъ бурей на берегъ неизвѣстнаго острова, который оказался тѣмъ чудеснымъ островомъ, гдѣ жила добрая волшебница Лойя, какъ дѣвочка Нія показала ему дорогу къ ея избушкѣ, какъ слуги Лойи превратили его изъ великана въ человѣка обыкновеннаго роста и какъ, наконецъ, онъ, Мріамъ, опять очутился въ своей родной странѣ.

Матросы слушали этотъ разсказъ съ необычайнымъ вниманіемъ, и всю ночь никто на „Черной Уткѣ“ не сомкнулъ глазъ.

XXV.

На слѣдующій день уже весь городъ зналъ, что вернулся прежній король.

Узналъ объ этомъ и новый король Раиль и самъ отправился на „Черную Утку“, гдѣ поселился Мріамъ.

— Ты живъ—значитъ ты, а не я долженъ царствовать,—сказалъ Раиль.—Я передаю опять власть въ твои руки.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мріамъ,—я лично убѣдился, какъ полюбилъ тебя народъ, не желаю лишать тебя власти и отказываюсь отъ престола.

Но Раиль не согласился принять великодушное предложеніе.

— Вотъ что,—сказалъ тогда Мріамъ,—предоставимъ самому народу рѣшить, кого онъ желаетъ имѣть королемъ, а пока царствуй ты, Раиль, какъ царствовалъ до сихъ поръ...

Черезъ нѣсколько дней, по приказу Раиля, въ столицѣ собрались со всѣхъ концовъ государства избранные народомъ лучшіе граждане, которые должны были рѣшить предложенный имъ вопросъ, кому быть королемъ: Мріаму или Раилю.

Долго-долго совѣщались они: кто хотѣлъ, чтобы царствовалъ Мріамъ, кто предпочиталъ Раиля.

— Пусть царствуютъ оба!—рѣшили они наконецъ въ одинъ голосъ,

Матрола держала на рукахъ королевскихъ дѣтей...

И съ тѣхъ поръ въ странѣ было два короля—Мріамъ и Раиль. Они раздѣлили по-

ровну власть между собою и царствовали мирно и счастливо...

Мріамъ не забылъ про красавицу-дочь перваго сановника Фреллу, которая ему такъ понравилась, когда онъ былъ еще Большимъ Королемъ, и спросилъ ее, согласна ли она теперь стать его женою. Фрелла, конечно, согласилась. И Мріамъ зажилъ счастливою жизнью, часто вспоминая о томъ, какъ много горя испыталъ онъ изъ-за своего огромнаго роста.

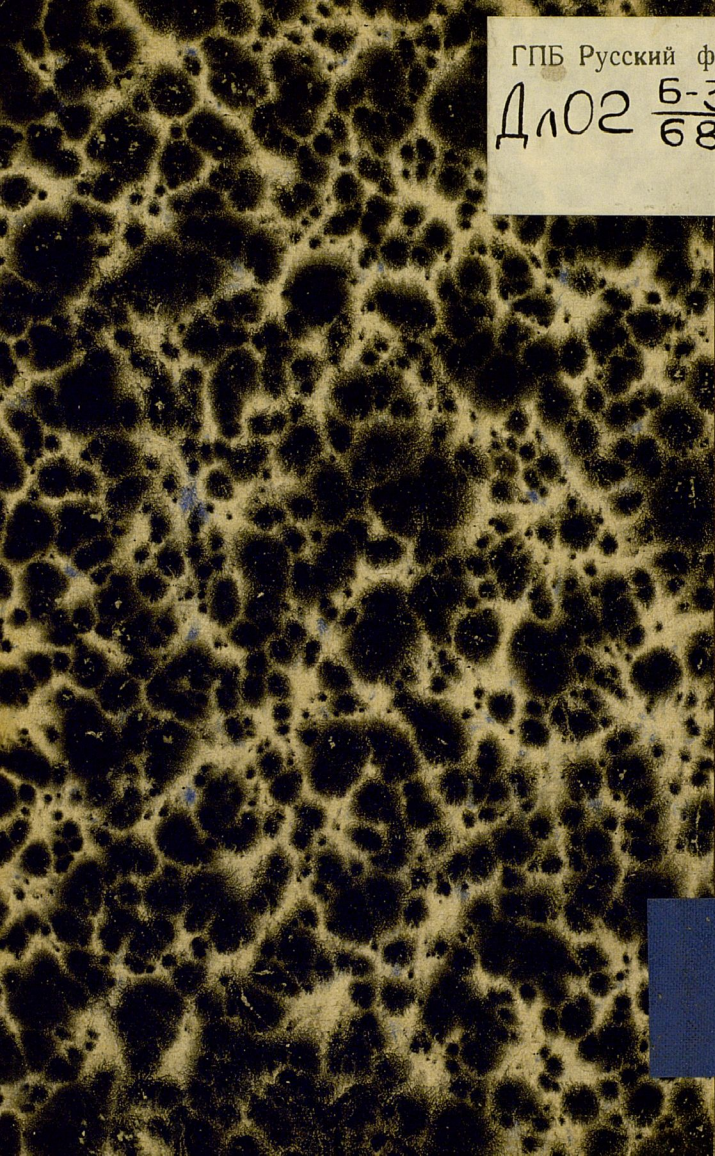
Не забылъ король и про добрую волшебницу Лойю: онъ постоянно посылалъ ей и ея внучкѣ на чудесный островъ разные подарки.

Своей бывшей нянѣ Матролѣ король подарилъ большую усадьбу, желая, чтобы она могла зажить спокойно, безъ заботъ и отдохнуть послѣ долгой трудовой жизни. Но Матрола предпочла остаться попрежнему на „Черной Уткѣ“ и работать вмѣстѣ съ матросами, пока хватитъ у нея силъ.

— На морѣ я провела съ дѣтства свои дни—на морѣ хочу и остаться до конца моей жизни,—заявила она рѣшительно.

Но когда у короля Мріама родились дѣти,

Матрола сама вызвалась няньчить ихъ. И часто можно было видѣть огромную Матролу, какъ она, держа на рукахъ маленькаго королевскаго принца и его сестренку-принцессу, гуляла то на берегу столицы, то по палубѣ „Черной Утки“, которая стала королевскимъ кораблемъ.

Конецъ.

ГПБ Русский фонд
Дл02 6-3/68 а